

Ла фам фаталь тургеневской прозы (полемические заметки)

– Человек слаб, женщина сильна, случай
всесилен, примириться с бесцветною жизнью
трудно, вполне себя позабыть невозможно...

А тут красота и участие, тут теплота и
участие, тут теплота и свет, - где же противиться?

И побежишь, как ребенок к няньке.

И.С. Тургенев «Дым»

Из школьных лет в большую жизнь мы берем представление о «тургеневской девушке». Это один из самых устойчивых штампов, навсегда прилипших к Тургеневу. Лев Толстой вообще придерживался мнения, что Тургенев и создал этот феномен. Дескать, раньше в природе их не водилось, а Тургенев описал, и они косяком пошли. Ну, вообще-то, были такие девушки. Тургенев с трудом придумывал что-то, он предпочитал брать из жизни – сам писал. Татьяна Бакунина, например, чем не тургеневская девушка? Но почему-то никто не замечает, что Тургенев – первый, кто ввел в русскую литературу образ «фам фаталь», роковой женщины-разрушительницы судеб. Пальму первенства привычно отдают Достоевскому, хотя в годы, когда Достоевский делает первые подступы к этому образу в повестях «Хозяйка», «Дядюшкин сон» и в романе «Униженные и оскорбленные», тридцатилетний Тургенев создает классический образ женщины-мучительницы в комедии «Студент»(1849), впоследствии обретшей название «Месяц в деревне» и бессмертие на мировой сцене. Имя ей – Наталья Петровна Ислаева. Двадцатидевятилетняя благополучная жена помещика, полностью посвятившего себя хозяйственной деятельности по имению, «томясь в бездействии досуга», делает несчастными давнего поклонника, молодого учителя, воспитанницу, а заодно и претендента на ее руку – и всё из эгоистической потребности недолгого счастья. Очарованию этой умной и красивой женщины противостоят никто не в силах. Но призрачная надежда на счастье, которою она манит очередную жертву, – западня. Давно попавший в нее Ракитин предостерегает студента Беляева:

– Погодите! вы, может быть, еще узнаете, как эти нежные ручки умеют пытать, с какой ласковой заботливостью они по частичкам раздирают сердце...Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мне, когда, как больной жаждет здоровья, вы будете жаждать покоя, самого бессмысленного, самого пошлого покоя, когда вы будете завидовать всякому человеку беззаботному и свободному... Погодите! Вы узнаете, что значит принадлежать юбке, что значит быть поработленным, зараженным – и как постыдно и томительно это рабство!

Но если Наталья Петровна эгоистична, то не бессовестна, не развратна, и ни в коем случае не исполнена пошлости, как явившаяся через десять лет в «Дворянском гнезде» Варвара Павловна Лаврецкая, жена главного героя, дважды разрушившая его надежду на счастье. Разыгрывая перед

родственниками кающуюся грешницу, она не в силах хотя бы на время выдержать тон приличия, и возвращаясь после успешно сыгранного спектакля, бесстыдно кокетничает с человеком, годящимся ей в отцы: из привычки, чтобы не потерять форму.

...она всю дорогу забавлялась тем, что ставила будто не нарочно кончик своей ножки на его ногу; он конфузился, говорил ей комплименты; она хихикала и делала ему глазки, когда свет от уличного фонаря западал в карету... Приехавши домой, Варвара Павловна легко выскочила из кареты – только львицы умеют так выскакивать, – обернулась к Гедеоновскому и вдруг расхохоталась звонким хохотом прямо ему в нос.

Заметим, Варвара Павловна Лаврецкая – единственная роковая женщина Тургенева, целенаправленно ориентированная на кошелек жертвы. Поле деятельности и добыча всех прочих – душа мужчины.

В 1860 году подобную героиню Тургенев выведет в повести «Первая любовь». Княжна Зинаида Засекина продемонстрирует новые грани этого образа, помимо красоты и ума, а именно: отчетливо выраженный, современным языком выражаясь, садомазохистский комплекс.

Прекрасная Зинаида мало того, что психологически изощряется над своими жертвами, она с удовольствием причиняет физическую боль влюбленному в нее человеку:

–Я кокетка, я без сердца, я актерская натура, – сказала она ему однажды в моем присутствии, – а, хорошо! так подайте же вашу руку, я воткну в нее булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а все-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться. Лушин покраснел, отворотился, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку. Она его уколола, и он точно начал смеяться, и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам...

Одновременно в ней живет страсть к подчинению, потребность смотреть на предмет любви снизу вверх, ощущать себя рабой («мне надобно такого, который сам бы себя сломил»), что ярко проявляется в сцене, когда она целует рану, которую ей наносит хлыстом любимый человек. В то же время с потерей предмета обожания она теряет интерес и к его ребенку. Не к Володе, а к собственному ребенку. Фраза, мимоходом оброненная в тексте («были последствия»), много говорила внимательному читателю XIX века, как и следующий фрагмент:

...через полгода отец мой скончался (от удара) в Петербурге, куда только что переселился с моей матерью и со мною. За несколько дней до своей смерти он получил письмо из Москвы, которое его чрезвычайно взволновало... Он ходил просить о чем-то матушку и, говорят, даже заплакал, он, мой отец! В самое утро того дня, когда с ним сделался удар, он начал было письмо ко мне на французском языке. «Сын мой, – писал он мне, – бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» Матушка после его кончины послала довольно значительную сумму денег в Москву.

Деньги нужны были Зинаиде для того, чтобы заплатить приемным родителям, согласившимся взять ребенка на воспитание. Обычно это были люди малого достатка. Легко представить себе будущность «плода любви».

Кстати, уже в небольшой повести 1854 года «Затишье» перед нами возникает как бы прообраз Зинаиды – Надежда Алексеевна Веретьева, легко бросающая на произвол судьбы подругу после того, как та стала не интересна ее брату: то же стремление к психологическим экспериментам над существами противоположного пола, та же склонность к лицемерию физических страданий:

В ней появилась страсть к искусствам и художествам. Она все больше зналась с артистами и любила рассуждать о прекрасном с молодыми людьми. Письмо Ипатова огорчило ее чрезвычайно, но не помешало ей, в тот же день, поехать в «Собачью пещеру» посмотреть, как задыхаются бедные животные, погруженные в серные пары.

На первый взгляд не повернется язык назвать роковой женщиной Анну Сергеевну Одинцову из романа «Отцы и дети». Но всё-таки недаром Борис Зайцев назвал ее «Медузой с прекрасными манерами, в лапки к которой только попадись». Разве не любовь к ней губит «титана» Базарова, лишая его духовной силы? А ее игры с Аркадием? Ее снисходительное покровительство сестре Кате, оскорбляющее девушку? И это утонченное барское сибаритство, замешанное на безграничной любви к себе:

Не будь она богата и независима, она, быть может, бросилась бы в битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчас, и она продолжала провожать день за днем, не спеша и лишь изредка волнуясь. Радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами, но она отдыхала, когда они угасали, и не жалела о них. Воображение ее уносилось даже за пределы того, что по законам обыкновенной морали считается дозволенным; но и тогда кровь ее по-прежнему тихо катилась в ее обаятельно-стройном и спокойном теле. Бывало, выйдя из благовонной ванны, вся теплая и разнеженная, она замечтается о ничтожности жизни, об ее горе, труде и зле... Душа ее наполнится внезапно смелостью, закипит благородным стремлением; но сквозной ветер подует из полузакрытого окна, и Анна Сергеевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей нужно в это мгновение: чтобы не дул на нее этот гадкий ветер.

Но если Анну Сергеевну Тургенев щадит, отмечая ее великодушие и отвагу при прощании с Базаровым (не всякая решится войти в комнату тифозного больного, тем более – поцеловать его), то в романе «Новь» (1867) дает нам уже карикатуру на роковую даму, стремящуюся заинтересовать собой молодого революционера. Валентина Михайловна Сипягина – это Одинцова замужем:

Валентина Михайловна была проникнута той особенной грацией, которая свойственна «милым» эгоистам; в этой грации нет ни поэзии, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть

симпатия, есть даже нежность. Только перечить этим прелестным эгоистам не следует: они властолюбивы и не выносят чужой самостоятельности....

Кокетничать немножого стоило Сипягиной: она очень хорошо знала, что опасности для нее нет и не может быть. А между тем заставить чужие глаза то померкнуть, то заблестать, чужие щеки разгореться желанием и страхом, чужой голос задрожать и оборваться, смутить чужую душу – о, как это было сладко ее душе! Как весело было вспоминать поздно вечером, ложась в свое чистое ложе на безмятежный сон, - вспоминать все эти взволнованные слова, и взгляды, и вздохи! С какой довольной улыбкой уходила она тогда вся в себя, в сознательное ощущение своей неприступности, своей недостижимости – и снисходительно отдавалась законным ласкам благовоспитанного супруга! Это было так приятно, что она даже умилялась подчас и готова была сделать доброе дело, помочь ближнему... Она однажды основала маленькую богадельню после того, как один до безумия в нее влюбленный секретарь посольства попытался зарезаться! Она искренно молилась за него, хотя религиозное чувство с самых ранних лет в ней было слабо.

Комментарии, как говорится, излишни. По сравнению с отрывком из романа «Отцы и дети» изменилась только авторская интонация – в сторону сатиры.

Только в 1866 году Достоевский нарисует, наконец, в «Игроке» женский образ, мучивший его всю жизнь – Полину. Но попытайтесь вспомнить внешность Полины: какого цвета у нее глаза, волосы, какие черты лица. Ничего, кроме общего впечатления, тогда как все фатальные женщины Тургенева имеют ярко выраженную портретную характеристику.

В 1867 году одновременно выйдут роман Тургенева «Дым» и роман Достоевского «Идиот». Ирина Ратмирова, Настасья Филипповна, Аглая – настоящие роковые женщины. Но тургеневский герой Литвинов и герой Достоевского князь Мышкин абсолютно не сопоставимы. Первый – живой человек, второй – скорее идеал человека с явными признаками психической болезни. Овладеть его сознанием и душой, в общем-то, нетрудно. Литвинов же вполне положителен, даже ординарен, здоров, скептичен, умен. И такого человека Ирина сводит с ума, делает подлецом, тряпкой и превращает в ничто. В то же время сама она – живая, понятная в каждом движении и явно не сумасшедшая.

Слова, взятые в качестве эпиграфа к статье, принадлежат Созонту Потугину, человеку, давно подпавшему под власть Ирины, покорному исполнителю всех ее желаний без малейшей надежды на ответное чувство с ее стороны. Так что в его утверждении есть известная натяжка. Не «теплотой и светом» манит роковая Ирина, а иллюзией света, которая при приближении тает как мираж в пустыне, обращаясь в заурядную пошлость. Недаром Литвинов восклицает:

– Вот то тайное, безобразное, которого я не знаю, но которое она пыталась было изгладить и сжечь как бы в огне!.. И какая будущность, какая прекрасная роль меня ожидает! Жить в ее близости, посещать ее, делить с ней развращенную меланхолию модной дамы... Опять обман, или нет, хуже обмана, - ложь и пошлость...

В последний раз в творчестве Тургенева образ роковой женщины возникает в повести «Вешние воды» (1872) и пронизывает собой всё повествование. Традиционная трактовка повести: слабый духом герой изменяет ангелоподобной невесте с сущим дьяволом в юбке. Но в отличие от прежних сюжетов здесь мы не наблюдаем противостояния: «тургеневская девушка» – «роковая женщина», поскольку Джемму к тургеневским девушкам никак не отнесешь. И не только потому, что она не русская, а прежде всего потому, что она – красавица.

Вообще представление о тургеневских девушках как о красавицах продиктовано тем обстоятельством, что Тургенев большинством не столько прочитан, сколько «просмотрен», а специфика кинематографа такова, что на роль главных героинь режиссеры предпочитают брать красивых актрис, чтобы обеспечить прокатный успех фильма.

У Тургенева же красавицы в основном «роковые женщины». С этой точки зрения глядя, образ Джеммы приобретает специфическую окраску. Конечно, красавица-итальянка мила, благовоспитанна и ничьих судеб вроде не разбивает, разве что своего первого жениха господина Клюбера. Но он выведен настолько непривлекательным, что его, в общем-то, и не жалко.

Наоборот, необыкновенная красота Джеммы, за отсутствием приданого, декларируется как своеобразный суперприз на жениховских скачках. Но знаменательный факт: для обладания им претендент обязан иметь за душой немалый капитал, будь то господин Клубер, или благополучно сменивший его Санин, оба при деньгах. За любого Джемма пойдет, как прилежная дочь, уважающая волю матери. С бедным ухажером не сбежит, будьте спокойны. Характерно, какими словами фрау Леноре расхваливает красоту дочери:

– Ведь она у меня красива, как королева, - промолвила она с материнской гордостью, - да и королев таких на свете нет! ... оттого-то она – Джемма! (известно, что на итальянском языке Джемма значит: драгоценный камень).

Чем не госпожа Огудалова из «Бесприданницы» А.Н. Островского? Только почему-то считается, что Огудалова «торгует дочерьми» (формулировка, вошедшая во все учебники литературы), а фрау Леноре – идеальная мать.

К категории богатых претендентов принадлежит и «негоциант» Иеремия Слоком, с которым в Америке (не в любимой Италии!) Джемма проживет двадцать восемь лет «в довольствии и изобилии». «Дом их известен всему Нью-Йорку», и это совершенно не удивляет, как и то, что с бывшим возлюбленным и даже женихом, бросившим ее самым бессовестным образом, она «была бы рада свидеться» (интересно, дал ли на это санкцию Иеремия Слоком, но думается, дал).

Недаром же Санин в подарок ее дочери-невесте посылает «гранатовый крестик, обделанный в великолепное жемчужное ожерелье» и спешно продает все свои имения, собираясь в Америку. Интересно всё-таки, как бы чета Слоком встретила его, если бы он не нажил за тридцать лет «значительного состояния». Заметим, что Марье Николаевне Полозовой Санин ничего не дарит. Видимо, потому, что подсознательно чувствует, что покупается, а что нет.

В сущности, кто из двух героинь повести в конечном итоге выигрывает? Разумеется, Джемма. Вне всякого сомнения, воспользовавшись запоздалым раскаянием Санина, она (конечно, в согласии с мужем) грациозно завладеет состоянием героя, поскольку в многодетной семье это всегда не будет лишним. Собственно, в не многодетной – тоже. Обеспечил же Тургенев приданое любимой Клоди Виардо – 80 тысяч франков. А безутешная вдова Полина Виардо (вопрос – чья?) обнаружила же после смерти писателя сразу два завещания в свою пользу, что позволило ей завладеть и Спасским-Лутовиновым, и авторскими правами на все тургеневские сочинения. В то время как единственная дочь Тургенева Полина Брюэр не получила ни франка и билась в нужде с двумя детьми, давая уроки.

Предвидеть этого, разумеется, Тургенев не мог. Но механику манипулирования безвольным мужчиной обрисовал очень точно, совместив в «Вешних водах» «тупое и сытое» выражение, с которым Марья Николаевна теребит волосы героя, и изящно поданную расчетливость обворожительной Джеммы.

Трудно поверить, что Тургенев случайно дал оговориться герою в диалоге с Полозовым:

– *И кто она?*

– *Немка; то есть нет – итальянка, здешняя жительница.*

Просто подспудно Санин ощущает просчитанность ситуации, в которой оказался. Всё взято на учет, всё разложено по полочкам, как сладости в кондитерской фрау Леноре, что характерно скорее для представительницы немецкой нации, традиционно славящейся склонностью к порядку, нежели для пылкой итальянки.

Да простят мне читатели повести «Вешние воды», но до определенного момента читать ее не интересно. И любовь какая-то кондитерская, сахарная, и дуэль дурацкая, и свадебные хлопоты нудные. Но вот появляется, наконец, фигура, взрывающая сюжет – Марья Николаевна Полозова, коварная разлучница. Вот только образ этой разлучницы слишком сложен и нов для русской литературы XIX века, чтобы прикрепить к нему однозначную бирку. Хотя бы потому, что Марья Николаевна – первая деловая женщина, открыто проповедующая личную свободу, сознательно вступившая в фиктивный брак с целью ее добиться. Все роковые красавицы до нее – пленницы женской судьбы, целиком зависящие от семьи или мужа. Она же сама ведет свои хозяйственные дела, причем ведет их честно, без обмана, в общем, приращивает капитал. В этом исток ее поразительной искренности и веры в себя. Это хищница новой формации, и как это ни парадоксально звучит, Тургенев, за исключением последней сцены, рисует ее красками, вызывающими восхищение читателя. Он наделяет ее яркой русской красотой, красотой здоровья, «вкусной» русской речью, плебейской гордостью, неистовой одаренностью: по-французски она говорит с чисто парижским акцентом, знает латынь, свободно судит об искусстве. Знакомясь с ее пристрастиями и ее судьбой, мы понимаем, почему и как она сумела «присушить» безвольного Санина. Да и что такое Санин? Один из тех, о ком Некрасов писал в поэме «Саша»:

Книги читает, да по свету рыщет –
Дела себе исполинского ищет,
Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов...

А еще жестче в стихотворении «Рыцарь на час»:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Где ему устоять перед женщиной, вдохновенный портрет которой Тургенев рисует так:

Что за лицо! Все оно словно раскрыто: раскрыты глаза, алчные, светлые, дикие; губы, ноздри раскрыты тоже и дышат жадно; глядит она прямо, в упор перед собою, и, кажется, всем, что она видит, землю, небом, солнцем и самим воздухом хочет завладеть эта душа, и об одном только она и жалеет: опасностей мало – все бы их одолела!

Где Джемме до нее с ее мещанской худосочной биографией и мещанской же худосочной моралью? Марья Николаевна свободна, она знает цену себе и людям, поэтому всегда добивается своего. Так ураган сносит всё на своем пути. Эта женщина – стихия, шедевр природы. И как сама природа, прекрасна и безжалостна.

За пределами статьи остались образы роковых красавиц, разбросанных по рассказам Тургенева. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что эта разновидность женского характера нашла в его творчестве яркое и полноценное отражение.

Вера Николаевна Гумарь,
главный библиотекарь МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина
г. Нижнего Новгорода